

Решает зритель

ру «Брызатый холм» В. Васильева. Действие ее относится к эпохе Ивана Грозного.

Автор «Брызатого холма» В. Васильев впервые попробовал свои силы в музыкально-сценическом жанре. Знание оперной формы, владевшие оркестровым письмом, глубокое ощущение специфики оперного театра помогли композитору создать произведение, в котором есть и хорошее мелодическое дыхание и драматургия, есть образы с их музыкальными характеристиками, есть героизм. В опере очень ясно и отчетливо ощущается влияние классики. Несомненно, автор хорошо знает оперные партитуры Римского-Корсакова, и, очевидно, сложность сюжета с некоторыми сочинениями Корсакова, подобные образы толкали его на решение некоторых партий, эпизодов, ситуаций в том же плане, как решал их великий русский классик. Автору нелегко обилием в заимствовании мелодического материала, но ассоциацией с «Царской невестой» и «Сковитянкой» в некоторых странах партитуры очень определенны. Именно поэтому опера Васильева вызвала нападки местной критики.

А вот исполнители одобрительно отнеслись к «Брызатому холму», да и не удивительно: все здесь от первой до последней ноты поэзия, запомняется, нет тяжелых неправданных скачков, утомляющих певца. В сочинении много разнурных арий, ансамблей, по которым так стоковались в советской опере актеры. Убоина, красивая, зогична в оркестровой партии. Что ж удивительного, что оперу льбит в театре, что поставлена и разыграна она с любовью, с вдохновением, что с почетом мысли и чувства сданы декорации. И зритель принял спектакль очень тепло: простые, привычные для слуха интонация помогают глубже понять произведение, близость к классике не шокирует слушателя, а помогает ему. И хоть сейчас автор еще не самостоятелен в своем творчестве, многие участники зрительской конференции говорили не без основания, что, работая дальше в оперном жанре, В. Васильев наверняка сможет стать более ярким, самобытным.

Некоторые критики пытались обвинить театр в небрежительности, невзыскательности к тем произведениям, за которые он берется. Так ли это? Нет, не так. Коллектив помог Васильеву в работе над первыми оперными сочинением, и помочь эту оценку не только автор, но и зритель.

А к голосу зрителя нельзя не прислушаться. Ведь в конечном итоге именно он решает судьбу произведения! Следовательно, проверка на зрителе — это самый серьезный акклам.

Через месяц коллективу Саратовской оперы предстоит выдержать такой акклам: он встретится с новой, незнакомой аудиторией — с москвичами.

Нет нужды распространяться о сложности и ответственности этого акклама. Глобелен ли выдержать его коллектив?

Как оказалось было выше, у него есть все данные, но нет одного: нет собранности, творческой организованности. Почти в каждой постановке театра ощущаются недоработки, неполадки в а звучании оркестра, в пении солистов, в общей слаженности спектакля. То актер неправильно спел фразу, то вестист пропел ноту, то нарушилось равновесие между группами оркестра, то сфальшивил какой-то инструмент. Все это, казалось бы, «случайности». Но «случайности» закономерные, протестающие из-за общей неорганизованности коллектива.

Правда, разговоры о необходимости потянуться слышатся в труппе едва ли не ежедневно. Но дальше разговоры и споры по поводу того, кто повинен и кто ответствен за все эти «случайности», дело не идет. А ведь до гастролей в Москве остались считанные недели!

М. ИГНАТЬЕВА,
спец. корр. «Советской культуры»,
САРАТОВ.

где не нарушаются ни единым лишним штрихом, хотя бы малейшим нажимом. И весь четвертый акт — предел драматической насыщенности и напряженности — идет не переходит границ художественной меры: ни в решении образов, ни в звучании оркестра (дирижер Н. Шкаринский). Удивительно чутко и мягко оркестр, и вместе с тем его слышишь постоянно, его ощущаешь в даже видный, словно это еще одно действующее лицо, имеющее не только музыкальную, но и сценическую нагрузку.

«Отелло» в Саратовском театре — приятное художественное явление. Но пусть не подумает читатель, что обо всех спектаклях этого коллектива можно говорить в столь же восторженном плане. Отнюдь нет. И вовсе не потому, что в искусстве никогда не идет все равной, что есть Удачи и прощети, что один Рал оркестр звучит лучше, а другой менее выразительно, что и прыги иной раз не «в ударе» и т. д. К сожалению, не в этом дело.

Обидно и очень обидно, что театр мирится порой с серостью, безвкусицей, с глупым провинциализмом в самом плохом смысле этого слова. Трудно понять, как могут уживаться на одной сцене, в одном коллективе такие несовместимые вещи, как «Отелло» Верди — спектакль, в который вложено все умение, талант, наконец, душа исполнителей, и «Инцидент студент» — постановка, где актеры забыли, что такое чувство художественной меры, где все рассчитано на смех аудитории, на дешевый эффект, где столько «отсебятины» и в пении, и в диалоге, и в движениях, что, кажется, ты попал не в оперный театр, а в старую оперетту самого дешевого вкуса и низкого уровня. А спектакль все-таки живет, вернее, не живет, а прозябает. И, к сожалению, он не единственный. Идут и другие спектакли, уже не только разбавившиеся, но и прямо разрушившиеся, идут только для того, чтобы больше названий значилось в репертуарных планах. Разве такой путь для укрепления финансового благополучия театра? Нет и еще раз нет. Зритель трудно обмануть, трудно ему навязать то, что плохо.

Между прочим, именно в высказываниях протых зрителей можно услышать много полезного и для коллектива, и для профессиональной критики. Прыд ли кто-либо возьмется отрицать, что надо воспитывать вкус масс, поднимать культуру слушателей. Но как воспитывать? Вызывает резкий протест существовавшая многие годы и, к сожалению, нет-нет да и прорывающаяся сейчас вредная тенденция некоторых критиков но что бы то ни стало навязать слушателям и авторам музыки свое мнение, порой даже неверное. Прыд ли подобное «воспитание» идет на пользу и слушателям, и композиторам, и коллективам!

Вот один пример. В нынешнем году театр поставил на своей сцене поспе дозой работы с автором опе-

Когда знакомиться с новым исполнителем, с театральным коллективом, всегда хочется найти в нем то яркое, специфичное, что характерно именно для него одного, что определяет его индивидуальный творческий облик. Для истинного художника, для коллектива подлинных художников творческая деятельность — это постоянные поиски, дерзания, смелые попытки испытать свои силы все в новом и новом, идти своей, непроторенной дорожкой, пусть временной опасностями, но своей.

Именно таким представляется коллектив Саратовского театра оперы и балета имени Н. Чернышевского. Такой его путь, такой его репертуар, такой его творческий облик.

За годы существования Саратовского театра оперы на его сцене было осуществлено 37 советских произведений, свыше 1.700 представлений выпало на их долю. Разумеется, не все из них были удачны, но сам по себе факт упорной, систематической работы над созданием советского репертуара весьма примечателен. Разве мало у нас театров, как огня, боящихся новых, непробированных опер и балетов?

А Саратовский театр не боится трудностей. На года в год он расширял свой репертуар, смело брался за советские оперы и балеты, ставил их и ставил так, что некоторые советские спектакли прожили здесь около двух десятков лет, прошагав по 100, 150, 200 раз.

Вот почему Саратовский театр вслед за Молодовским сумел организовать декаду советских опер и балетов, в программу которой вошло восемь произведений. И это был не парадный показ специально подготовленной программы, а плод многолетней творческой работы. В числе декадных спектаклей вошли и «Бахчисарайский фонтан» — один из первых советских балетов, показанных жителям Саратова еще в 1936 году, и совсем свежая работа нынешнего года — «Брызатый холм». Театр верен своей традиции и продолжает ее: сейчас в тесном содружестве с автором создается новый спектакль — опера молодого композитора Владимира Рубина «Три толстяка» (по сказке Юрия Олеши). И если судить по тем отрывкам, с которыми довелось познакомиться, работа обещает быть интересной.

Много хорошего сделал этот Саратовский театр, и не удивительно, что он пользуется доброй славой у жителей города. Прислушайтесь, с какой гордостью говорят они о том, что в оперном театре есть что посмотреть и ного погулять.

Правда ли это? Да, правда. Все есть у коллектива: дирижерский состав его таков, что, пожалуй, лишь один-два периферийных театра могут сравниться с ним в этом смысле. Причем это относится не только к главному дирижеру, но и к его помощникам. Хор, оркестр, режиссеры, художники, актерский состав — представители различных поколений — всем им пох силу решать большие творческие задачи. Да они их часто и решают.

...Вот спектакль «Отелло». И уж не говорю о том, что он достаточно резко «попадает» в репертуар оперного театра. Собственно говоря, и удивляться здесь почему. Опера сложна для сценического воплощения и потому, что это Шекспир, и потому, что это одна из вершин драматургического таланта Верди: партитура оперы предельно насыщена и сложна, и певцу здесь уже не отделяться одними красивыми нотоми — он должен быть одновременно хорошим вокалистом и подлинным актером. Да, наконец, не каждый театр подходит для партии Отелло (драматический тенор) достойного исполнителя. Саратовцы «ослаили» «Отелло»; это один из лучших спектаклей театра. Можно за забыть Отелло — В. Соловцов — цельный многогранный образ. Порой, может быть, Соловцов поет несколько напряженно, но об этом забываешь благодаря той силе драматического таланта, с которой создает он характер. Подать ему я Дедемона (П. Станиславова). Трогательная безыскусственность, удивительно чистая простота этого образа ни-